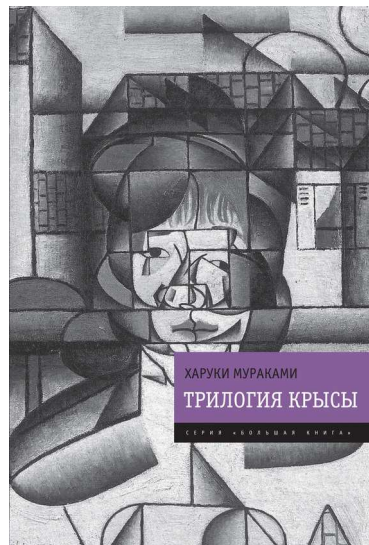

Харуки Мураками
Трилогия Крысы (Слушай песню ветра.
Пинбол-1973. Охота на овец. Дэнс, дэнс, дэнс)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6657934
Трилогия Крысы : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59695-9

Аннотация

Так получилось у Харуки Мураками, что в «Трилогию Крысы» входят четыре романа. Не удивляйтесь, все правильно! «Слушай песню ветра» и «Пинбол» – два первых романа знаменитого цикла писателя, завершающегося «Охотой на овец» и продолженного романом «Дэнс, дэнс, дэнс». «Я понятия не имею, что случится, заверни я за вон тот угол... Никогда не знаешь, что там найдешь. И когда я пишу, со мной происходит тоже самое». Это объясняет появление продолжения «Дэнс, дэнс, дэнс». «Мои книги – это... попытки абсолютного романа, собрания историй, рассказанных самыми разными персонажами. Они рассказывают и исцеляют друг друга. Роман-книга исцеления». Перед вами самая Большая книга Мураками, абсолютный роман, в таком составе ранее не издававшийся.

Содержание

Слушай песню ветра	5
1	5
2	8
3	9
4	11
5	13
6	15
7	16
8	18
9	19
10	23
11	26
12	28
13	30
14	31
15	32
16	34
17	35
18	36
19	37
20	39
21	42
22	43
23	47
24	48
25	49
26	50
27	51
28	53
29	55
30	57
31	58
32	61
33	63
34	65
35	67
36	70
37	72
38	74
39	75
40	77
Еще раз о Хартфильде	78
Пинбол-1973	79
1969–1973	79
1	89
2	93

3	95
4	99
5	101
6	105
7	107
8	111
9	113
10	115
11	118
12	120
13	123
14	125
15	127
16	129
17	131
18	135
19	136
20	139
21	142
22	144
23	148
24	149
25	151
Блюз простого человека	154
Охота на овец	166
Часть первая	166
Пикник среди недели	166
Часть вторая	171
1. 16 шагов и правила их прохождения	171
2. Исчезновения (ее самой, ее фотографий и ночной сорочки)	175
Часть третья	178
1. Китовый пенис. Девчонка на трех работах	178
2. Разблокированные уши	186
3. Разблокированные уши. Продолжение	187
Часть четвертая	190
1. До появления человека со странностями	190
2. Появление человека со странностями	193
3. Сэнсэй	197
4. Считая овец	199
5. Автомобиль и его водитель (1)	201
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Харуки Мураками

Трилогия Крысы (сборник)

Слушай песню ветра

1

«Такой вещи, как идеальный текст, не существует. Как не существует идеального отчаяния».

Это сказал мне один писатель, с которым я случайно познакомился в студенчестве. Что это означает на самом деле, я понял значительно позже – а тогда это было неплохим утешением. Идеальных текстов не бывает – и все.

Тем не менее, как только дело доходило до того, чтобы написать что-нибудь, на меня накатывало отчаяние. Потому что круг возможных тем был ограничен. Например, про слона я еще мог что-то написать, а вот про то, как со слонем обращаться, – уже вряд ли. Такие дела.

Восемь лет передо мной стояла эта дилемма. Целых восемь лет. Срок немалый.

Но пока учишься чему-то новому, стареть не так мучительно. Это если рассуждать абстрактно.

С двадцати с небольшим лет я все время стараюсь жить именно так. В ответ – бесчисленные оплеухи, непонимание, обман, но в то же время – и драгоценный опыт. Приходили какие-то люди, заводили со мной разговоры, с грохотом проносились надо мной, как по мосту, и больше не возвращались. Я же сидел тихо, даже рта не открывал. И так встретил последний год, который оставался мне до тридцатника.

А сейчас думаю: дай-ка расскажу.

Конечно, это не решит ни одной проблемы, и, боюсь, после моего рассказа все останется на своих местах. В конце концов, тексты пишутся не для самоисцеления, а только ради слабой попытки на этом пути.

Однако, честно все рассказать чертовски трудно. Чем больше я стараюсь быть честным, тем глубже тонут во мраке нужные слова.

Я не собираюсь оправдываться. По крайней мере, лучше я пока написать не могу. Прибавить нечего. А еще вот что я думаю. Вдруг, забравшись в будущее – на несколько лет или даже десятилетий, – я обнаружу, что спасен? Тогда мои слоны вернутся на равнину, и я найду для мира слова красивее нынешних.

* * *

В сочинении текстов я многому научился у Дерека Хартфильда. Можно сказать, всему. Сам Хартфильд, к сожалению, был писателем во всех отношениях бесплодным. Если почтаете, сами увидите. Корявый текст, дурацкие темы, неуклюжие сюжеты. Однако, несмотря на все это, он был из тех немногих писателей, которые могли из текста сделать оружие. Современникам – таким, как Хемингуэй или Фитцджеральд, – он определенно не уступал в боевой выправке. Просто ему, Хартфильду, до конца дней не удавалось найти противника. Собственно, в этом и состояло его бесплодие.

Восемь лет и два месяца он вел эту бесплодную битву, а потом умер. Солнечным воскресным утром в июне 1938 года, держа в правой руке портрет Гитлера, а в левой – зонтик,

он прыгнул с крыши «Эмпайр-Стейт-Билдинг». Его смерть, равно как и жизнь, особых разговоров не вызвала.

Первая книга Хартфилда попала мне в руки случайно — они не переиздавались. Я заканчивал тогда среднюю школу и страдал от кожной болезни в паху. Книгу мне подарил дядя, а через три года он заболел раком кишечника. Его искромсали вдоль и поперек, напихали пластиковых трубок во все входы и выходы — он намучился и умер. Когда я в последний раз видел его, он напоминал хитрую обезьянку, коричневую и сморщенную.

* * *

Всего у меня было три дяди — еще один умер в предместьях Шанхая. Через два дня после окончания войны он наступил на им же закопанную мину. Единственный дядя, оставшийся в живых, стал фокусником и ездит с выступлениями по курортам.

* * *

Хартфильд так высказался о хорошем тексте: «Процесс написания текста есть не что иное, как подтверждение дистанции между пишущим и его окружением. Не чувства нужны здесь, а линейка». («Что плохого, если вам хорошо?», 1936 г.)

Зажав в руке линейку, я начал робко осматриваться. Дело было в год смерти президента Кеннеди — выходит, прошло уже пятнадцать лет. Целых пятнадцать лет я был занят тем, что выкидывал всё и вся. Как из самолета с отказавшим мотором для облегчения веса выбрасывают сначала багаж, потом сиденья, а в конце концов — несчастного бортпроводника, — так и я пятнадцать лет выкидывал всякую всячину. Но взамен почти ничего не получил.

Нет уверенности, что я все делал правильно. Стало легче, это да — но жутко при мысли о том, что останется от меня, когда придется встретить смерть. После кремации — неужели одни косточки?

«Когда душа темна, видишь только темные сны. А если совсем темная — то и вовсе никаких». Так говорила моя покойная бабушка.

В ночь, когда бабушка умерла, я протянул руку и тихонько закрыл ей веки. В это мгновение сон, который она смотрела семьдесят девять лет, тихо закончился, как короткий летний дождь, бивший по мостовой. Не осталось ничего.

* * *

И еще насчет текста. Последний раз.

Создание текста для меня — процесс мучительный. Бывает, за целый месяц ничего путного из себя не выдавить. Еще бывает, что пишешь три дня и три ночи — а написанное потом все истолкуют как-нибудь не так.

Но вместе с тем, писать текст — это штука веселая. Ей гораздо легче придать смысл, чем преодолению жизни.

Когда подростком я обратил на это внимание, то так удивился, что целую неделю ходил обалдевший. Казалось, стоит чуть пошевелить мозгами, как весь мир поменяет ценности, время потечет по-другому... Все будет, как я захочу.

То, что это ловушка, я обнаружил значительно позже. Разделив блокнот линией на две половины, я выписал в правую все, чего достиг за это время, а в левую — все, что потерял. Потерял, растоптал, бросил, принес в жертву, предал... До конца перечислить так и не смог.

Между нашими попытками что-то осознать и действительным осознанием лежит глубокая пропасть. Какой бы длины линейка у нас ни была, эту глубину нам не промерить. Все, что я могу передать на бумаге, – не более, чем перечень. Никакой не роман, никакая не литература – вообще не искусство. Просто блокнот, разделенный надвое вертикальной чертой. А что до морали – ну, может, немножко будет и ее.

Если же вам нужны искусство и литература, читайте греков. Ведь для того, чтобы родилось истинное искусство, совершенно необходим рабовладельческий строй. У древних греков рабы возделывали поля, готовили пищу и гребли на галерах, а горожане в это время предавались стихосложению и упражнениям в математике под средиземноморским солнцем. И это было искусство.

А какой текст может написать человек, посреди ночи роющийся в холодильнике на пустой кухне? Только вот такой и может.

Это я о себе.

2

История началась 8 августа 1970 года и закончилась через 18 дней – то есть, 26 августа того же года.

3

– ВСЕ БОГАТЫЕ – ГОВНЮКИ!

Крыса выкрикнул это мрачно, упиравшись локтями в стойку и повернув голову ко мне.

Не исключено, что слова предназначались какой-нибудь кофемолке у меня за спиной. Я сидел рядом, и специально орать необходимости не было. Так или иначе, но после вопля Крыса принял довольный вид и снова принялся за пиво.

Впрочем, никто вокруг и не слышал, как Крыса кричал. Тесное заведение было битком набито посетителями, и все орало точно так же. Зрелище напоминало тонущий пароход.

– Паразиты! – сказал Крыса и тупо помотал головой. – Они ведь, сволочи, сами ничего не могут. Как увижу богатую харю, так прямо с души воротит.

Я кивнул, не отрываясь от стакана со слабым пивом. Крыса замолк и уставился на свои тощие пальцы, поворачивая руки то так, то этак – будто грел у костра. Я смиренно поднял глаза к потолку. Пока он не проведет ревизию всех десяти пальцев, одного за другим, разговора не получится. Всегда так.

За лето мы с Крысой выпили 25-метровый бассейн пива и покрыли пол «Джейз-бара» пятисантиметровым слоем арахисовой шелухи. Если бы мы этого не делали, то просто бы не выжили, такое скучное было лето.

Над стойкой «Джейз-бара» висела гравюра, вся выцветшая от табачного дыма. Когда бывало нечем заняться, я глазел на нее часами, и она не надоедала мне. Изображение на ней подошло бы для теста Роршаха. Я, например, видел двух зеленых обезьян – они сидели друг напротив друга и перекидывались двумя сдутыми теннисными мячиками.

Когда я сказал об этом бармену Джею, он внимательно посмотрел на гравюру и флегматично произнес:

– Обезьяны так обезьяны...

– А ты что видишь? – допытывался я.

– Левая обезьяна – это ты, а правая – я. Я бросаю тебе пиво, а ты мне – деньги.

Я допивал пиво под глубоким впечатлением от сказанного.

– Тошнит меня от них!

Это Крыса закончил инспекцию своих пальцев и вернулся к разговору.

Богатых Крыса ругал не в первый раз – он их и вправду ненавидел. Сам был из семьи далеко не бедной – но, стоило ему об этом напомнить, отвечал: «Я же не виноват, что так вышло!». Иногда (чаще – перебрав пива), я говорил: «Нет, ты виноват!» – и после чувствовал себя препогано. В словах Крысы все же была доля истины.

– А знаешь, почему я богатых не люблю?

В тот вечер Крыса решил развить тему. Так далеко этот разговор еще не заходил.

Я помотал головой – не знаю.

– Потому что, вообще говоря, богатые совсем мозгами не шевелят. Без фонаря и линейки они и жопу себе почесать не смогут.

«Вообще говоря» было у Крысы излюбленным выражением.

– Понятно.

– Эти сволочи о главном не думают. Прикидываются только, что думают. А все почему?

– Ну, почему?

– Не надо им это. Конечно, чтобы стать богатым, голова немножко нужна. А чтобы им оставаться – уже нет. Это как спутник – ему тоже бензина не надо. Знай себе крутись. А я –

не такой, и ты тоже не такой. Нам, чтобы жить, надо обо всем думать. От завтрашней погоды – и до размера затычки в ванной. Правильно?

– Ага.

– Ну вот.

Сказав все, что хотел, Крыса достал из кармана салфетку и со скучающим видом протер нос. Я никогда не мог понять, где он серьезен, а где нет.

– Но ведь, в конце концов, все умрут, – закинул я удочку.

– Само собой. Все когда-нибудь умрут. Но до этого надо еще полсотни лет жить. А жить пятьдесят лет, думая, – это, вообще говоря, гораздо утомительнее, чем жить пять тысяч лет, ни о чем не думая. Правильно?

А ведь правильно...

4

Я познакомился с Крысой три года назад, весной, когда мы поступили в университет. Оба сильно напились, и уже не вспомнить, по какому поводу, в пятом часу утра оказались в его черном шестисотом «фиате». Наверное, захотели кого-нибудь навестить.

Так или иначе, мы были пьяны в дым. Вдобавок, стрелка спидометра показывала восемьдесят. Нас спасла только улыбка Фортуны: снеся парковую ограду, пропахав клумбу рододендронов и со всего размаху въехав в каменный столб, мы не заработали ни ушиба.

Придя в себя, я вышиб ногой поломанную дверь и вылез наружу. Крышка капота отлетела метров на десять и приземлилась у клетки с обезьянами, а передок «фиата» вогнулся точно по форме столба. Грубо разбуженные обезьяны страшно негодовали.

Крыса сидел, вцепившись обеими руками в руль и согнувшись пополам, – но не потому, что повредил себе что-то, а потому что блевал съеденной час тому назад пиццей на приборную доску. Я забрался на крышу и через люк заглянул внутрь.

– Ты как?

– Да ничего... Малость перепил только. Блую...

– Вылезти можешь?

– Если вытащишь.

Крыса заглушил двигатель, взял с приборной доски пачку сигарет и сунул ее в карман. Потом схватился за мою руку и медленно выбрался наружу. Сидя на крыше «фиата» и глядя на начинавшее белеть небо, мы выкурили по несколько сигарет. Мне почему-то вспоминался фильм про танкистов с Ричардом Бёртоном в главной роли. Уж не знаю, о чем думал Крыса.

– Да-а-а... – сказал он минут через пять. – Повезло нам с тобой. Ты подумай, ни царапины. Разве такое бывает?

– И не говори, – ответил я. – Только машине-то, наверное, кранты?

– Да бог с ней. Машину можно новую купить. Везение не купишь!

Я с удивлением посмотрел на него.

– Ты что, богатый?

– Похож, да?

– Так это же хорошо...

Крыса не ответил, только недовольно потряс головой. И повторил:

– А все-таки нам с тобой повезло.

– Это точно...

Затоптав сигарету, Крыса щелчком пальца забросил окурочек в клетку к обезьянам.

– Слушай, – сказал он, – может, нам с тобой объединиться в команду? Мы, за что ни возьмемся, все так славно получается!

– А с чего начнем?

– Давай пиво пить.

В автомате неподалеку мы купили с полдюжины банок и побрели к морскому берегу. Растянувшись на пляже, все выпили и стали смотреть на море. Погода была замечательная.

– Зови меня «Крыса», – сказал он.

– Почему «Крыса»? – удивился я.

– Уже не помню. Давно прилепилось. Сначала жутко не нравилось, а теперь нормально. Ко всему привыкаешь.

Мы побросали пустые банки в море, прислонились к волнорезу и часок вздремнули, с головой накрывшись пальто. Проснувшись, я почувствовал, как по всему телу разливается какая-то непонятная жизненная сила. Чудесное ощущение.

– Сто километров могу пробежать, – сказал я Крысе.

– Я тоже, – сказал Крыса.

На самом же деле, нам предстояло выплачивать муниципалитету деньги за ремонт в парке рассрочкой на три года и с процентами.

5

К моему удивлению, Крыса ничего не читал. Никогда не видел, чтобы он читал печатный текст – кроме спортивных газет и рекламных листов. Когда я, убивая время, брался за какую-нибудь книжку, он с любопытством в нее заглядывал – прямо-таки муха, изучающая мухобойку.

– А зачем ты книжки читаешь?

– А зачем ты пиво пьешь?

Мы закусывали маринованной ставридой и овощным салатом. Отвечая вопросом на вопрос, я даже не глядел в сторону Крысы. Он задумался и минут через пять произнес:

– В пиве что хорошо? Оно все в мочу уходит, без остатка. Как всухую выиграл у кого-нибудь.

Он сказал это и посмотрел, как я жую.

– А зачем ты книжки читаешь?

Я проглотил последний кусок ставриды, запил пивом и убрал тарелку. Рядом лежал недочитанный том «Воспитания чувств». Я взял его и пальцами пробежался по обреза страниц.

– Затем, что Флобер уже помер!

– А живых не читаешь?

– Живых читать – никакого проку.

– Почему?

– Потому что мертвым почти все можно простить.

Я повернулся к переносному телевизору на стойке – там исполняли «Дорогу 66». Крыса опять задумался.

– А живым что – нельзя почти все простить?

– Живым? Я об этом как-то всерьез не думал... Но если они тебя совсем в угол загонят, как их тогда простишь? Не простишь ведь, наверное...

Подошел Джей, поставил перед нами еще по бутылке пива.

– А что будешь делать, если не простишь?

– Уткнусь в подушку и усну.

Крыса в растерянности качнул головой.

– Странно... Как-то я не очень понимаю...

Я налил ему пива. Он съежился и задумался.

Потом заговорил:

– Последний раз я книжку читал прошлым летом. Не помню ни названия, ни автора. Зачем читал, тоже не помню. Какой-то роман, а написала женщина. Героиня – тоже женщина, знаменитый модельер, возраст – около тридцати. Короче, она убедила себя, что больна неизлечимой болезнью.

– Что за болезнь?

– Не помню. Рак, наверное. Какие еще бывают неизлечимые? В общем, она едет на морской курорт и там мастурбирует всю дорогу. В ванне, в лесу, в постели, в море – короче, везде.

– И в море?

– Ага. Представляешь? Охота им про это писать. Будто больше не о чем.

– Да уж...

– Такие книжки – я извиняюсь. Меня от них блевать тянет.

Я кивнул.

– Я бы на ее месте совсем другой роман написал.

– Какой, например?

Крыса повозил пальцем по краю кружки.

– Ну, допустим, такой. Я сажусь на теплоход, а он посреди Тихого океана тонет. Я хватаюсь за спасательный круг и абсолютно один болтаюсь в ночном океане, глядя на звезды. Прекрасная тихая ночь. И вдруг откуда-то ко мне подплывает молодая женщина, тоже на спасательном круге.

– Женщина-то хорошая?

– Ну, естественно.

Я отхлебнул пива и покачал головой.

– Дурь какая-то.

– Нет, ты дальше слушай. Значит, мы с ней вместе болтаемся в океане и разговариваем о жизни. Откуда мы и куда, какие у нас увлечения, с кем мы раньше спали, что по телевизору смотрели, какие вчера сны видели и так далее. А потом пиво пьем.

– Погоди... Откуда пиво-то?

Крыса немного подумал.

– Оно тоже там плавало. В банках. На теплоходе столовая была, и оно оттуда высыпалось. И еще сардины в масле. Нормально, по-моему?

– Ага.

– И тут начинает светать. Что делать будем? – спрашивает она меня. Я, говорит, хочу сплавать туда, где наверняка есть остров. А я ей говорю: острова-то, может, никакого и нету! Лучше уж здесь плавать да пиво пить, а там, глядишь, и самолет прилетит спасательный. Но она меня не слушает и уплывает одна.

Крыса вздохнул и выпил пива.

– Женщина через два дня и две ночи добирается до своего острова. А меня, похмельного, спасает самолет. И через несколько лет мы с ней случайно встречаемся в маленьком баре на краю города.

– И опять пьете пиво, да?

– Грустная история, правда?

– Грустнее некуда...

6

В романе Крысы я бы отметил два положительных момента. Во-первых, там нет сцен секса, а во-вторых, никто не умер. Ни к чему заставлять людей умирать или спать с женщинами – они этим заняты и без того. Такая порода.

* * *

– Ты думаешь, я была неправа? – спросила она.

Крыса отхлебнул пива и медленно покачал головой:

– Вообще говоря, все неправы.

– Почему ты так думаешь?

Крыса хмыкнул и облизнул верхнюю губу. Ответа не было.

– У меня чуть руки не отвалились, пока я доплыла до этого острова! Думала, умру – до того худо было. И одна мысль свербила: что, если ты прав, а я нет? Почему я мучиться должна, а ты там болтаешься в воде и в ус не дуешь?

Она рассмеялась и страдальчески опустила взгляд. Крыса потерянно и бесцельно шарил у себя в карманах. Первый раз за три года ему жутко хотелось курить.

– Ты желала моей смерти?

– Ну, как... Немножко.

– Точно «немножко»?

– Я не помню...

Оба замолчали. Крысе захотелось что-нибудь сказать.

– Знаешь что? Люди не рождаются одинаковыми.

– Кто сказал?

– Джон Ф. Кеннеди.